

АНТУАН
де СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

Военный летчик

ФТМ

УДК 881.133.1(493)
ББК 84(4Фр)
С31

Antoine de Saint-Exupéry
Vol de nuit
1931

Перевел с французского М. Ваксмахер

Pilote de guerre
1942

Перевела с французского А. Тетеревникова

Сент-Экзюпери А. де

С31 Военный летчик : [избранная проза] / Антуан де Сент-Экзюпери ; [пер. с франц. М. Ваксмахера, А. Тетеревниковой]. — М. : «Т8 Издательские Технологии» / «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020. — 230 с. — (Серия «Мировая классика»).

ISBN 978-5-521-74299-8

В книгу вошли самые известные произведения Антуана де Сент-Экзюпери, герои которых совершают полеты по бесконечным пространствам земли. Роман «Ночной полет» (1931) удостоен литературной премии «Фемина». В 1932 году произведение было экранизировано, а в 1939 году композитор Луиджи Даллапиккола сочинил по его мотивам одноименную оперу. Ночь, один из главнейших для автора мотивов, стал сокровенной темой этого романа. Содержание книги строится вокруг четырех сил: ночь; люди действия; их начальники; жители провинций, еще не привыкшие принимать решения. В «Военном летчике», когда-то запрещенном во Франции, но имевшем колоссальный успех в других странах мира, вызывавшем восторженные отзывы и яростные нападки, автор приглашает в очередной полет — непредсказуемый, смертельно опасный полет во тьме ночи, под сильнейшим огненным дождем — но вместе с тем захватывающий, благотворный и незабываемый. Эта книга о поражении и о людях, перенесших его во имя будущей победы.

УДК 881.133.1(493)
ББК 84(4Фр)

- © Ваксмахер М. Н., наследники, перевод на русский язык, 2020
- © Тетеревникова А. Н., наследники, перевод на русский язык, 2020
- © Оформление.

ISBN 978-5-521-74299-8

ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020

НОЧНОЙ ПОЛЕТ

Посвящается Дидье Дора¹

¹ *Дора Дидье* (1891–1969) — до 1925 г. пилот, а потом крупный администратор в разных авиакомпаниях; под его началом Сент-Экзюпери работал с 1927 г., с самого начала своей карьеры летчика-профессионала. Дора считается прототипом героя повести Ривьера, и это вызвало трения между Сент-Экзюпери и некоторыми его товарищами, считавшими, что писатель напрасно героизировал жесткого и сухого Дора (разумеется, при всей ощутимости документальной основы в этом произведении Сент-Экзюпери, его персонажи не перенесены из жизни, а созданы заново художественной волей писателя; Ривьер, в частности, на поколение старше Дора).

I

Холмы под крылом самолета уже врезали свои черные тени в золото наступавшего вечера. Равнины начинали гореть ровным неиссякаемым светом; в этой стране они расточают свое золото с той же щедростью, с какой еще долгое время после ухода зимы льют свою снежную белизну.

И пилот Фабьен, который с крайнего юга, из Патагонии, вел почтовый самолет на Буэнос-Айрес, узнавал о приближении вечера по тем же приметам, по каким узнают об этом воды в гавани: по спокойствию, по легким складкам, что едва вырисовываются на тихих облаках. Фабьен словно выходил на бескрайний, безмятежный рейд.

Порой в этой тишине ему начинало казаться, что он совершает неторопливую прогулку, что он — пастух. Пастухи Патагонии бредут не спеша от стада к стаду; Фабьен шел от города к городу — он пас эти маленькие городишки. Он встречал их каждые два часа; города приходили на водопой к берегам рек или щипали траву на равнинах.

Иногда, после сотен километров степей, более безлюдных, чем море, он пролетал над уединенной фермой; казалось, она плывет ему навстречу по волнам прерии и несет на себе груз человеческих жизней. И, покачивая крыльями, Фабьен приветствовал этот корабль.

«Показался Сан-Хулиан; через десять минут пойдем на посадку».

Бортрадист передал это сообщение по всей линии.

На две с половиной тысячи километров, от Магелланова пролива до Буэнос-Айреса, растянулись цепью посадочные площадки; все они похожи друг на друга, но за этим аэродромом начиналась ночь; так в Африке, за последним покорным селением, проходит граница неведомого.

Радист передал пилоту записку:

«Вокруг бушуют грозы, у меня в наушниках сплошные разряды. Может, заночуем в Сан-Хулиане?»

Фабьен улыбнулся; небо спокойно, как вода в аквариуме, и все аэропорты впереди, по пути следования, сообщают: «Небо чистое, полное безветрие». Он ответил: — Полетим дальше.

А радист думал о том, что где-то, как черви внутри плода, притаились грозы; ночь казалась прекрасной, но кое-где начинала подгнивать, и ему было противно погружаться в этот мрак, скрывающий в себе гниль и разложение.

Сбавляя над Сан-Хулианом газ, Фабьен ощутил усталость. Все, что делает жизнь людей приятной: дома, небольшие кафе, аллеи — все это росло, надвигаясь на него. Он был подобен завоевателю, который вечером, после победы, вглядывается в земли завоеванного края и обнаруживает скромное счастье людей. Фабьену хотелось сбросить с себя доспехи, ощутить тяжесть усталого тела — ведь и в тяготах есть своя отрада — и оказаться простым человеком, созерцающим в окно своего дома неизменный, застывший пейзаж. Фабьен остановил бы свой выбор на этом случайном крохотном городке, а выбрав — полюбил бы его, полюбил бы размеренность его существования. Жизнь в таком городке — словно любовь — умеряет порывы. Хорошо бы поселиться здесь надолго, получить здесь свою долю вечности. Фабьену казалось, что городки, где он останавливался на час,

и сады, обнесенные старыми стенами, существуют вечно, безразличные к его, Фабьена, жизни. И городок поднимался навстречу экипажу, принимая его в свои объятия. И Фабьен думал о дружбе, о ласковых девушках, об уюте и тепле белой скатерти — обо всем, с чем человек сживается постепенно и навсегда. Городок бежал уже под самыми крыльями, выставляя напоказ тайны своих садов: ограды не служили им больше защитой. Но, приземлившись, Фабьен понял, что ровно ничего не увидел, кроме ленивых движений нескольких человек среди принадлежавших им камней. Городок самой неподвижностью оберегал от постороннего глаза секреты своих привязанностей, он отказывал Фабьену в ласке: для того чтобы завоевать этот городок, надо было отречься от действия. Десять минут — и снова в путь.

Фабьен обернулся и посмотрел на Сан-Хулиан; теперь это была лишь горстка огней; потом она превратилась в пригоршню звезд и, поманив его еще раз, рассеялась пылью.

«Уже не видно приборов, надо включить свет».

Он прикоснулся к контактам; но свет красных лампочек кабины расплывался в голубоватом сиянии сумерек и не освещал циферблатов. Фабьен поднес руку к лампочке — пальцы почти не окрасились. «Слишком рано».

А ночь поднималась темными клубами дыма и заполняла лощины. Впадины долин уже сливались с равнинными просторами. В деревнях загорались огни; их созвездия перекликались во мраке, и Фабьен, мигая бортовыми огнями, отвечал огонькам деревень. Всю землю обволокла сеть манящих огней; каждый дом, обратясь лицом к бескрайней ночи, зажигал свою звезду; так маяк посылает свой луч во тьму моря. Искры мерцали всюду, где жил человек. Самолет входил сегодня в ворота ночи, как суда входят на рейд, — легко и плавно. И Фабьен был счастлив.

Он нагнулся к приборной доске. Стрелки уже начинали фосфоресцировать. Проверил показания приборов — и остался доволен. Итак, он сидит в небе прочно. Тронув пальцем стальной лонжерон¹, он ощутил в металле пульсацию жизни; металл не дрожал — он жил. Пятьсот лошадиных сил, впряженных в мотор, породили в недрах вещества легчайшие токи — холод металла преобразился в бархатистую плоть. Пилот снова ощутил теперь в полете не головокружение, не хмельную радость, но лишь таинственную работу живого организма.

Теперь, создав свой собственный мир, он мог устроиться в нем поудобнее.

Фабьен постучал по распределительному щиту, проверил один за другим все контакты, немного поерзал на месте и уселся покрепче, пытаясь отыскать наиболее удобное положение, чтобы чувствовать малейшее колебание пяти тонн металла, которые взвалила себе на плечи зыбкая ночь.

Потом ощупал запасную лампу, поставил ее на место, отпустил и снова взял, убедился, что она не скользит, опять отпустил и опять нашел ее, проверил на ощупь каждую рукоятку, каждый рычаг, убеждаясь, что может схватить их сразу и наверняка, приучая свои пальцы действовать в мире слепоты. Потом, когда пальцы усвоили это, он разрешил себе включить свет — и кабина сразу же украсилась точными приборами; теперь он мог следить за погружением самолета в ночь по одним только циферблатам. И поскольку ничто не дрожало, не колебалось и не вибрировало, поскольку и гироскоп², и высотомер, и режим мотора — все оставалось стабильным, он потянулся, прислонился к кожаной спинке кресла и погру-

¹ Лонжерон — продольный несущий элемент конструкции самолета.

² Гироскоп — здесь: механический компас.